

Чжоу Цзыцянь вернулся домой только после ужина и сразу же пошёл к отцу. Чжоу-старший, после той болезни, которая едва не стоила ему жизни, чувствовал себя всё хуже и, чтобы было удобнее передвигаться, переехал на первый этаж, заняв спальню рядом с гостиной.

Чжоу Юньян сидел в гостиной и читал книгу, когда вскоре из комнаты деда донеслись крики. Чжоу Юньяну было интересно, ведь с тех пор, как он приехал в дом Чжоу, он ещё не видел, чтобы дед так злился. Обычно, даже если старик был чем-то недоволен, он лишь слегка хмурился и делал пару замечаний, никогда не повышая голос до крика.

Когда Чжоу Цзыцянь вышел из комнаты отца, в гостиной уже никого не было. Чжоу Юньян был умным ребёнком и знал, что можно слушать, а что нет. Даже если ему было любопытно, он не стал бы оставаться, чтобы встретиться с дядей.

Чжоу Цзыцянь с холодным выражением лица поднялся наверх, успокоился перед дверью и вошёл. В это время Е Тао уже должен был закончить свои вечерние дела и готовиться ко сну, но его не было в комнате, а постель была аккуратно заправлена. Хотя Чжоу Цзыцянь знал, что Е Тао не мог просто уйти, он всё же немного забеспокоился, когда начал его искать. К счастью, он быстро нашёл его.

В большой библиотеке Чжоу-старшего, где хранились книги, Е Тао спал в кресле перед книжным шкафом. Одна его рука лежала на груди, а под ней была редкая и сложная для понимания книга.

Чжоу Цзыцянь наклонился, поднял упавшее на пол одеяло и мягко укрыл им Е Тао. Он не стал будить его и не ушёл, а просто сел на небольшой стул рядом и задумчиво смотрел на спящего. Это было одно из немногих и самых ценных для него мгновений, как яркий и красочный сон, прекрасный, но хрупкий. Хотя он бережно держал его в руках, он всё равно не мог его защитить, и мог только наблюдать, как его разрушают, испытывая гнев и горе, но ничего не мог поделать.

Е Тао проснулся от кашля. Чжоу Цзыцянь похлопал его по спине, а затем снова укрыл одеялом, собираясь отнести его в комнату.

Е Тао сказал, что всё в порядке, и передал Чжоу Цзыцяню книгу, упавшую с кресла, чтобы он вернул её на полку. Они вышли из библиотеки один за другим и так же вернулись в спальню. Поскольку Е Тао заболел сразу по приезду в Хуэйчжоу, для удобства ухода за ним они продолжали делить одну комнату.

Ночь была уже глубокой, но Чжоу Цзыцянь не чувствовал сонливости. Он обнял Е Тао, лежащего на боку, и не говорил ни слова, не хотел слышать, что скажет Е Тао, боясь, что тот произнесёт те самые слова прощания, которые он больше всего не хотел слышать.

Е Тао ждал в этой тишине некоторое время, но так и не дождался, чтобы мужчина, обнимающий его, заговорил. Тогда он понял, что их двухлетний договор закончился раньше времени. Это было к лучшему, чем дольше они тянули, тем глубже становились чувства, и тем сложнее было бы расстаться. Е Тао подумал об этом, и в темноте комнаты раздался очень тихий вздох. Почти одновременно рука, обнимающая его, внезапно сжалась.

— Отец не разрешит тебе сейчас переехать, и он уже составил завещание. Я не знаю всех деталей, но точно знаю, что дом оставлен Юньси. Ты можешь спокойно оставаться здесь, а я перееду. — Чжоу Цзыцянь, до этого молчавший, наконец заговорил. Он знал, что не должен удерживать Е Тао, это было бы эгоистично и даже наглым требованием, но если он не сделает этого, Е Тао уйдёт из дома Чжоу и начнёт незаметно стирать все связи между ними.

Хотя Чжоу Цзыцянь говорил логично, и казалось, что такое решение вполне приемлемо, Е Тао чувствовал, что это полный абсурд. Это был родовый дом семьи Чжоу, и даже если не учитывать его значение для семьи, его стоимость составляла сотни миллионов. Занимать чужое гнездо было бы слишком даже для него. Если только он не хотел навсегда связать свою жизнь с этим человеком и семьёй Чжоу, он не мог принять такой подарок, даже если бы его насильно вручили.

— Какие глупости? Как я могу спокойно жить в твоём родовом доме? — Е Тао поднял руку и коснулся лица Чжоу Цзыцяня, скрытого темнотой. Его голос был тихим и медленным, как будто он говорил ему, а может быть, самому себе. — Не нужно ничего думать, ничего делать. Мы... мы просто оставим всё как есть.

Е Тао вёл себя слишком рационально, казалось, что он был даже более холодным, чем сам Чжоу Цзыцянь, который считал себя бесчувственным. Но его тело всё ещё не оправилось, и когда он попросил Чжоу-старшего разрешить ему переехать из главного дома перед возвращением в столицу, он всё ещё выглядел больным, хотя пытался скрыть это.

Чжоу-старший был удивлён и начал расспрашивать, пытаясь понять, почему его внук, всегда зависевший от второго сына, вдруг захотел уехать.

Е Тао спокойно отвечал на вопросы и намёки Чжоу-старшего. Старик хотел узнать, связано ли это решение с Чжоу Цзыцянем, и Е Тао сказал, что просто хочет жить более свободно, не завися от чрезмерной опеки и не обременяя других. В этот момент он не боялся показать свою зрелость, ведь только так Чжоу-старший мог поверить, что он готов жить самостоятельно.

Чжоу Цзыцянь думал, что отец ни за что не согласится, но старик после долгого молчания попросил Е Тао выйти. Он не дал согласия, но и не отказал сразу.

Перед уходом Е Тао взял Чжоу Цзыцяня за руку и сказал:

— Дядя, ты обещал не помогать и не мешать. Помни своё слово.

Чжоу Цзыцянь, чувствуя себя раздражённым, впервые оттолкнул Е Тао и попросил его уйти. Он знал, что не имел права злиться или обижаться, и знал, что Е Тао не был таким равнодушным, как казалось. Но слыша, как Е Тао говорит о том, чтобы уйти, он чувствовал, что мир, который он обрёл благодаря ему, разрушался.

Этот мужчина, никогда не отличавшийся мягкостью, был как зверь, запертый в клетке для развлечения. Он смотрел, как то, что он ценил, забирают у него, и как нож режет его плоть, заставляя его страдать и ненавидеть, желая вырваться из клетки и разорвать тех, кто причинил ему боль, на куски!

После того как Е Тао вышел из библиотеки, отец и сын снова поссорились. Чжоу Цзыцянь редко шёл против отца, в детстве из-за страха, а сейчас из-за невозможности. Но из-за Е Тао он за несколько дней так разозлил отца, что тот, обычно спокойный, почти кричал на него.

Их спор начался из-за Е Тао, но главной темой был не его уход. Чжоу-старший больше беспокоился, почему внук вдруг захотел переехать. Старик почти сразу возложил вину на сына, считая, что тот сделал что-то не так, и между дядей и племянником возникли разногласия, из-за которых ребёнок, боясь говорить, решил уехать из дома.

Чжоу Цзыцянь злился не на привычную подозрительность отца, не на его недоверие и предвзятость, а на то, что Е Тао уходил из-за него самого, но отец обвинял других. Он и Е Тао

жили в мире, всё было хорошо, но из-за одного его поступка этот хрупкий мир разрушился.

И он невольно разрушил всё это не из заботы. Этот человек никогда не заботился о том, что ему нужно или чего он хочет. Он лишь думал о том, что он должен делать и что может делать. Он вырастил его, как собаку, никогда не любил его и всегда боялся, что собака превратится в волка. Когда произошёл несчастный случай с его братом и невесткой, этот человек первым заподозрил своего сына, думая, что он из зависти или жажды наследства убил их. Чтобы подтвердить свои подозрения, он подвергал его бесконечным проверкам и расследованиям. Таков был его отец, таковой была его «отцовская любовь».

Авторское примечание:

Я не могу обещать, что не будет боли, но могу обещать, что не буду делать это ради боли. Кроме того, в следующих главах я постараюсь быть более внимательным к выбору слов, чтобы не создавать излишнего драматизма. Это успокоит вас, малыши?

PS: В последнее время комментариев стало меньше. Это потому, что я слишком медленно пишу, и все перестали следить? (>□

<http://bllate.org/book/17687/1650286>